

о́льга
дми́триева
центр
при́нятия
и а́даптации

Ольга Дмитриева

Центр принятия и адаптации

«Поляндрия NoAge»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Дмитриева О. А.

Центр принятия и адаптации / О. А. Дмитриева — «Поляндрия NoAge», 2026

ISBN 978-5-6054561-3-1

Город живет под Куполом, пытаясь сохранить привычное. В здании бывшего отеля работает Центр, где учат дышать, когда уже нечем, и говорить, когда слов не осталось. Алиса приходит сюда, чтобы вспомнить сон, в котором человечество еще способно все исправить. Консультантка Марго сохраняет профессиональную дистанцию, но чувствует, что сама нуждается в поддержке. Федор и Тео делят одно тело и не могут договориться, как прожить оставшееся время. Мэр, человек с хорошими намерениями, боится собственной неловкости и чужих прикосновений. Дебютный роман-притча Ольги Дмитриевой не про саму катастрофу — он про то, как мы живем, когда катастрофа произошла. Про заботу, которая оказывается единственным, что еще имеет смысл. Содержит нецензурную лексику.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-6054561-3-1

© Дмитриева О. А., 2026
© Поляндрия NoAge, 2026

Ольга Дмитриева

Центр принятия и адаптации

© Дмитриева О. А., 2026

© Издание, оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

* * *

Алиса опаздывала.

Консультантка спустилась за ней в холл. Тонкие стрелки на циферблатах над стойкой указывали вверх. Никого. Пришлось возвращаться одной.

Из кабинета 302 слышалось всхлипывание. Она так хотела, чтобы кто-то пришел и просто заплакал у нее на диване. Но вместо этого должна была занять себя сама.

Это была их седьмая встреча, и Алиса каждый раз опаздывала.

Консультантка разложила свои вещи на столе: блокнот и листы для записей слева, ручки и карандаши справа, салфетки за ними. Протерла клавиатуру компьютера.

Алиса – из тех людей, которые со всеми разговаривают на «ты», но с большим чувством собственного превосходства. Специально или нет, она показывала опозданиями, что не ценит работу своей Консультантки.

В 12:15 она открыла дверь с равнодушным «привет, я проспала».

– Мне опять снился конец света, – выдала она, еще не успев дойти до дивана.

Консультантка непроизвольно подняла брови и постаралась не смотреть на Алису, пересяживаясь в кресло напротив. Они много раз это обсуждали.

– Почему тебе так важно говорить именно «конец света»?

– Так я и подумала в своем сне! – Алиса сняла очки и откинулась на спинку дивана. – Я была у Озера, сидела на камнях на северном берегу. И вдруг я почувствовала, что камни подо мной шатаются. Я попыталась встать, но упала на землю, которая тоже шаталась, как пол в поезде. И когда я упала, я поняла, что это все! Все. Это конец света, – Алиса произнесла свой монолог четко и торжественно, как со сцены. Могло показаться даже, что она не проспала, а опоздала, потому что придумывала эту зарисовку.

– И тогда ты проснулась?

– Нет! Тогда меня вдруг озарило, что мы могли сделать, чтобы это предотвратить! Знаешь, бывает такое... Озарение: «А как же...» Что-то очень простое... И я разозлилась, что мы не сделали этого. Я пришла в бешенство!

– Что же вы должны были сделать в твоем сне?

– Я не помню!

Алиса надела очки, которые до этого, привязанные цепочкой, лежали у нее на груди. Она была старше своей Консультантки лет на 20, и та не могла понять манипуляций с очками. Были они атрибутом дальновзоркости или удобным способом отстраниться? А если у нее была близорукость? Может быть, надевая очки, она не пряталась, а приближалась...

– Как ты думаешь, о чем этот сон?

– О том, что нам нужно что-то сделать!

Консультантке показалось, что если она встанет и попробует подойти к Алисе, то врежется в невидимую стену. Она помолчала. Клиентка тоже.

Вдох. Пауза. Выдох.

– Алиса. Я не уверена, что у нас есть время для погружения в сны, но если ты решила начать с этого, то, может, дашь мне разрешение его интерпретировать.

– Кажется, за это я тебе и плачу. – Алиса расправила широкие штанины, как будто это были полы мантии.

Она не платила.

Она бы и не пришла добровольно. Ее направили из Министерства, потому что она вышла с плакатом «Я не смирюсь» на День прощания.

Консультантка решила не напоминать об этом.

– Мне кажется, сон говорит о том, что ты не можешь расстаться с идеей всемогущества. Ты видишь, что все заканчивается, но до последнего пытаешься зацепиться за надежду, что можно еще что-то сделать. А зацепиться тебе не за что... От этого ты и разозлилась, а не от того, что «вы что-то не сделали».

Алиса снова положила очки на грудь и внимательно посмотрела чуть правее головы Консультантки.

– Это слишком сложная интерпретация. Мне всего лишь приснилось, что что-то можно сделать, я разозлилась оттого, что не смогла запомнить, что именно. Мне сейчас очень помогло бы успокоиться, если бы я смогла вспомнить сон до конца...

Это уже был откровенный саботаж.

– Зачем?

– Я чувствую тревогу от того, что не помню, что там было, я не могу перестать думать об этом!

– Или потому что ты рассчитываешь, что в этом озарении было что-то, что ты могла бы сделать на самом деле, а не во сне?

Алиса ничего не ответила.

– Алиса, ты же ходишь на консультирование, чтобы я помогла тебе принять ситуацию и адаптироваться, – Консультантка постаралась произнести это как можно мягче, хотя Алисе на ее состояния было плевать. Она откинулась на спинку дивана и прижала ладони к вискам, как будто пыталась удержать их на месте.

– Маргарита. Я отказываюсь. Принимать. Ситуацию. Конец света можно предотвратить.

– Если мы больше не говорим о твоём сне, пожалуйста, не используй это выражение. Это катастрофизация, которая как раз и вызывает в тебе такой страх.

– Это не страх! Меня просто бесит, что мы решили сложить руки и ждать. У нас же были ученые, были инженеры... Деньги, в конце концов! Где эти деньги? Наш Город считался мировым центром инноваций! Почему сейчас нельзя ничего придумать?

– Алиса, как раз ученые сказали нам, что ничего сделать нельзя. Остается только ждать. И этому нам с тобой нужно учиться.

– Значит, нам нужны другие ученые! Нужно узнать, что делают в других городах! Нужно попробовать улететь! Построить бункер! Если мы будем стараться жить как раньше и делать вид, что все нормально, мы точно ничего не сможем сделать! – Пальцы ее правой руки в кольцах вцепились в короткие кудри над ухом.

Каждая консультация в какой-то момент превращалась в истерику. Алиса совсем не умела себя сдерживать, на первой встрече она запустила в Консультантку пачкой салфеток. При этом прекрасно знала, что все консультантки обязаны заполнять форму о состоянии клиента после каждого сеанса.

– Алиса, ты чувствуешь страх. Это нормально. Но желание сделать что-то не поможет бороться со страхом. Ни тебе, ни другим.

– О боже, Маргарита, почему ты такая слепая?! Я не чувствую страх! Я чувствую злость! Меня бесит, что ты заставляешь меня притворяться спокойной!

Она наконец-то посмотрела Консультантке прямо в глаза, и той захотелось сделать пометку в блокноте. Но, опустив взгляд на страницу, она не смогла вспомнить о чем.

– Хорошо, давай попробуем поговорить о твоей злости. Можешь закрыть глаза и сделать глубокий-глубокий вдох...

Алиса продолжила смотреть прямо на Консультантку и как будто назло даже перестала дышать. Но если приглядеться, можно было заметить, как нервно раздуваются ее ноздри.

Консультантка тоже продолжила смотреть на клиентку, стараясь не показывать раздражение.

– Но я не хочу говорить о своей злости. У меня был конкретный запрос: вспомнить окончание моего сна.

– А ты думаешь, что действительно можешь его вспомнить?

– Я хочу попробовать! Расслабиться, включить подсознание...

Она выдала свое «включить подсознание», как будто имела в виду «включить свет» – стоит нажать на кнопку, и оно включится.

– Давай начнем с того, чтобы расслабиться... А для этого нужно немножко выключить злость.

Алиса сощурилась и улеглась на диван, хотя об этом ее не просили. Консультантка подумала, что этот диван, слишком светлый и домашний, надо было заменить на что-то более подходящее. Видеть на нем Алису ей было некомфортно. Не уместившись, клиентка положила ноги в розовых кроссовках на подлокотник.

У Консультантки почти такой же диван дома. Сейчас вместе с персиковым чайным столиком он действительно выглядит как плохая декорация в спектакле про психоаналитиков. Она еще не успела привыкнуть к своей роли. Она и воспринимает работу как роль. В свои 29 она только окончила обучение и начала практиковать. Она рассчитывала, что у нее будет время. Освоиться. Вжиться.

– Представь что-то, что очень тебя злит... Можешь представить себе мою реакцию на твои слова... про Закат... – Алиса еле слышно хмыкнула. – Опиши, что ты чувствуешь в теле.

– Как будто что-то сильно чешется у меня... В районе груди, но внутри, и ближе к шее... И в кистях рук.

– Ты можешь потрогать эти места, погладить их... Становится ли тебе легче?

Алиса ошупала себя от подбородка по шее вниз, от плеч до кистей рук и обратно, как будто проверяла, все ли надела. Ее правая рука, на которой было не меньше шести колец, остановилась в области ключиц. И она накрыла ее левой рукой совсем без колец.

– Что ты сейчас чувствуешь? Изменилось ли что-то?

– Зуд никак не проходит, но я чувствую... больше контроля над ним. Что я могу взять эту энергию в свои руки и направить...

Отвлечь ее оказалось непросто.

– Это хорошо, что ты его контролируешь... Не забывай дышать, не задерживай дыхание, выдыхай... А теперь попробуй представить место, где ты всегда чувствуешь себя безопасно и спокойно...

Алиса замолчала. Консультантка смотрела в окно на ровную серость над домом напротив. Ей хотелось увидеть в ней луч света или хотя бы очертание тучи, но это было все равно что пытаться разглядеть облако сквозь потолок. Алиса стала дышать медленнее.

– Не думай, пожалуйста, отпусти свою фантазию, и тело подскажет, как ему проще расслабиться...

Алиса поворочалась, устраиваясь удобнее.

– Получилось что-то представить?

– Да.

– Можешь рассказать об этом?

– Нет. – Алиса аккуратно поводила головой из стороны в сторону, не поднимая ее с диванной подушки.

– Хорошо. Пока можешь не говорить. Просто постарайся запомнить этот образ и ощущение контроля и спокойствия... И, как будешь готова, открывай глаза и возвращайся...

Пока Алиса снова ворочалась, Консультантка посмотрела на часы над диваном. До окончания сеанса было еще 15 минут. Как бы Алиса ни успокоилась, сейчас она продолжит спорить. Консультантка не вполне профессионально подумала, что *в текущей ситуации* помочь можно уже далеко не всем клиентам.

Алиса села и надела очки, она выглядела не только более спокойной, но и грустной.

– Может быть, ты все-таки расскажешь мне об образах, которые пришли к тебе? Я постараюсь помочь тебе использовать их правильно.

– Я не хочу их использовать! – Она закинула ногу на ногу с такой силой, что чуть-чуть завалилась на бок.

– Тогда ты тем более можешь рассказать мне о них.

– Я представила, что я в гостях у Дианы, где я всегда сижу. В кресле, у окна.

– Это твоя подруга? Она же осталась в Городе?

Алиса молчала. Консультантка чувствовала, что она опять начинает злиться, но не могла остановиться. За время работы она узнала всего об одном близком для Алисы человеке и надеялась, что эти отношения в итоге ей помогут.

– Она мне больше не подруга.

– Расскажешь, что случилось?

Алиса встала и пошла к двери, глядя строго вперед.

– Она такая же, как ты... – пробормотала она, открывая дверь. – КАК ВСЕ ВЫ! – донеслось уже из коридора.

* * *

Свет от торшера падает на диван цвета белого шоколада, где несколько часов назад сидела Алиса. Свет от настольной лампы и от розовой лампочки, освещающей растение в углу, рисуют на бежевом ковре и кофейного цвета стенах круги. Но верхний свет выключен.

Консультантка лежит на диване и глубоко дышит.

Ее вид не совсем сочетается с местом. Простая одежда в кремовых тонах, обувь на низком каблуке, отсутствие макияжа говорят: человек на работе. А обстановка в комнате выглядит очень по-домашнему.

Этажом выше в такой же комнате Старшая консультантка производит совсем другое впечатление – как именно, с ходу сказать сложно, потому что ничто в ее одежде или кабинете никак не выделяется. Ей не надо играть. Напротив ее ортопедического кресла стоит еще одно, широкое с высокой спинкой, которое не напоминает ни об офисе, ни о доме, но в него действительно хочется сесть.

На этой неделе Старшая консультантка встречается с младшей коллегой во второй раз. В формах по итогам консультаций снова есть красные зоны. Но для Старшей консультантки важно не только перепроверить стратегию, но и оценить ее состояние.

Консультантка лежит с открытыми глазами, чтобы случайно не уснуть, ровно 10 минут. Потом встает, поправляет подушки на диване и поднимается этажом выше. Она садится с прямой спиной в кресло напротив Старшей консультантки. Как будто доказывая, что ценит установленный порядок гораздо больше возможности быть собой.

Старшую консультантку это успокаивает. Она тихим уверенным голосом задает дежурные вопросы: про сложных клиентов, про их проблемы, про самочувствие самой Консультантки, – просто вежливо беседует. Но она смотрит на собеседницу не отрываясь и практически не моргая, а в это время ее пальцы непрерывно, хоть и едва заметно постукивают по подлокотникам, как будто непроизвольно печатают аналитическое заключение.

Несмотря на недостаток опыта, Консультантка кажется Старшей консультантке правильным человеком для той работы, которую им приходится делать.

* * *

Консультантка выходит из кабинета, когда на улице снова становится светлее: зажглись фонари, свет в окнах, светофоры, стадионные прожекторы – весь свет, который Город может регулировать.

Центр принятия и адаптации расположился в бывшем сетевом отеле в самом сердце Города, когда туристов не стало, а потребность в психологической поддержке выросла.

Стеклянная коробка Центра выглядит уродливо на фоне окружающих старинных домов. Но сейчас обитатели исторических зданий хотели бы жить в чем-то таком, более открытом и простом, чаще видеть свет и меньше оставаться в четырех стенах.

В шесть вечера сквозь полупрозрачные окна бывших номеров можно увидеть, как сотрудницы Центра синхронно выходят в коридор. Консультантка не торопится, до шести она ждет телефонных звонков на горячей линии, пересматривает записи о завтрашних клиентах, а потом выключает лампу над растением с круглыми листиками, которое в «кабинет» принесла из дома.

В стеклянные двери с улицы заступает ночная смена. Далеко не все выглядят такими собранными и деловитыми. Центр ведет набор постоянно, берут всех, кто имел опыт работы с людьми, – бывших преподавателей, тренеров, врачей – всех, кто способен справиться с паникой внутри и уверенно разговаривать с паникующими согорожанами. Спокойные на горячую линию ночью не звонят.

Когда Консультантка, пропустив встречный поток, выходит из Центра в Город, она внезапно вспоминает Алису, ее сон и чувствует, что асфальт под ногами трясется, как пол в старом поезде.

* * *

Федор сидел на низком пуфике в прихожей и тянул шнурки на беговых кроссовках.

...Я знаю, что тебе не хочется выходить на улицу! Я зна-ю! Но давай выйдем хотя бы на десять минут, настроение стабилизируется, станет спокойнее...

...Не понимаю, зачем тебе постоянно нужно поднимать это настроение, почему нельзя оставить его там, где оно валяется?..

Тео кривлялся.

...Можно все, но если мы поспим сейчас, мы проснемся посреди ночи...

...Ну и какая разница? Хочешь сказать, что будет еще темнее и отстойнее, чем сейчас?..

...Мы проснемся, когда все вокруг будут спать, мы не захотим будить Риту и будем лежать на кровати. И знаешь, кому будет страшно и грустно?

...Мне не будет страшно! Меня будет от всего тошнить...

...Как хочешь, но я выхожу...

...Ты мудака...

Федор перепрыгнул через ступеньку и открыл дверь. Свет из дома уголком подсветил улицу. Тишина, выскользнув за тяжелую дверь вместе со светом, смешалась со звуками радио. Федор наискосок сместился с тротуара на беговую дорожку.

...Включим музыку? – он автоматическим жестом взялся за наушники на шее.

...Нооуп! Нет! Ты перестанешь меня слушать, потом перестанешь себя слушать и замкнешься...

...Ты не знаешь, что происходит со мной, Тео...

...Я знаю, что под музыку ты перестанешь со мной разговаривать, а я вообще перестану думать. Раз это происходит со мной, значит, и с тобой тоже!..

...Нет, не значит. Ты проецируешь свое состояние на меня...

...Это она научила тебя так говорить? Она влияет на тебя уже больше, чем я...

...Это не Рита. Это общепотребимое слово. И я не понимаю, почему ты так агрессивно о ней говоришь...

...Янелюблюе! – Тео как будто ждал повода выпалить это. – Ты мне внушаешь, что я ее люблю, потому что ты ее любишь, а ты заиклен на себе и уже не представляешь, как можно не любить кого-то, кого любишь ты...

Федор задумался.

...И что в этом плохого? Я люблю тебя тоже. И не представляю, как тебя можно не любить...

...Если бы ты меня не любил, хуже от этого было бы только тебе! – Тео рассмеялся. – Ты должен меня любить. Но она отдельный человек, Федя! Ты внушаешь мне, что я ее люблю, чтобы тебе было проще. А я ее не люблю. Я не знаю, как можно ее любить. Хотя... может, я вообще не знаю, как любить?..

Федор бежал в расслабленном темпе, и это требовало от него концентрации.

Тео не любит бегать и сопротивлялся, раскачиваясь из стороны в сторону и вихляя, но тело лучше слушается Федора.

...И ГЛАВНОЕ – она то же не любит меня!..

...С чего ты взял, что она не любит тебя? Она тебя любит не меньше, чем меня!..

...Я ее раздражаю! Она бесится, что на работе она делает так много, чтобы успокоить других людей, и не может ничего сделать дома, со мной...

...Работа – это работа, а дом – это дом. Она прекрасно это понимает, она взрослая женщина. Она полагается на твоего консультанта...

...Нет, не понимает, ты ее переоцениваешь, она вся слишком в работе, она же всегда о ней мечтала, она думала, что она в ней реализуется. А теперь она реально с ума сходит, лишь бы все сделать правильно! «Экстраординарные события, профессиональный вызов. Мало кому выпадает такая сложная миссия!» Она не понимает, что в экстраординарных событиях всем насрать. И на ее работу тоже!..

Федор затих. Тео перестал чувствовать спокойствие, которое всегда исходило от него, переставлять ноги по упругой прорезиненной дорожке вдоль тротуара пришлось ему, и он начал сильнее ощущать вес тела. Он смотрел под ноги. Бордовый цвет резины каждый раз напоминал ему мясные ряды, которых он с детства нигде не видел.

Звук Городского радио то приближался, то отдалялся – оно играло не слишком громко, и в пространстве между динамиками, висящими на фонарях, передачу было не всегда слышно.

...Оооу-кей! Видимо, ты согласен! То есть ты признаешь, что мы, блядь, живем с персоной, которая меня НЕ любит! И делаем это ради тебя!..

...Не выражайся. Все-таки звучит так, как будто ты ее не любишь, а не она тебя. Мне тяжело чувствовать твою агрессию...

...Я и говорю тебе, что Я ее не люблю. И она не любит Меня! И я чувствую себя хуево, потому что Ты хочешь проводить с ней все время, хочешь выполнять idiotские списки, планировать Закат. Это все, блядь, такая хуйня, которую я не могу вынести! Но я выношу! Ради тебя! А что ты ради меня делаешь?..

Федор опять исчез. Тео начал разбирать звуки радио, шел «Кулинарный час».

Мы знаем, что многие из вас редко готовят что-то дома. Но еда и приготовление пищи – это искусство. Если вы решите приготовить что-то, вы не только получите удовольствие от пищи, но и прекрасно проведете время, не думая ни о чем тревожащем. О том, что и как можно сделать для пользы тела и ментального состояния, нам сегодня...

...Как меня бесит это сраное радио, Федор! Поговори со мной!..

Федор откликнулся не сразу. Он концентрировался на звуке их дыхания.

...Я не хочу, чтобы ты что-то делал ради меня...

...Конечно, ты не хочешь! Потому что это значило бы, что ты должен делать что-то ради меня, а этого ты точно не хочешь!..

...Но я хочу, чтобы мы делали что-то вместе и оба получали от этого удовольствие. А ты как будто специально отстраняешься. Уходишь, когда мы с Ритой, чтобы потом обвинить меня в том, что ты не получаешь удовольствия, что ты не любишь ее, она не любит тебя, а ты ради меня страдаешь. Но ты сам это делаешь с нами. И с Ритой тоже...

...Конечно!! Я виноват, блин! Как всегда!..

В этот раз заткнулся Тео. Голос из динамиков был низким и хриплым, Федору было сложно представить, кому он принадлежит.

После того как тесто готово, нужно поставить его в теплое место, там оно поднимется. Включите батарею или накройте посуду с тестом полотенцем. Но нельзя надолго оставлять его без внимания. Кажется, что это всего лишь тесто, что с ним может случиться? Если вы так думаете, значит, вы никогда не имели с ним дела. Дрожжевое тесто – это живой организм, оно будет быстро расти в тепле и может заполнить посуду и растечься. Ну и раз вы собрались печь, значит, вы хотите, чтобы в итоге у вас получился хлеб? Поверьте, когда вы достанете горячую булку из печи, вы обязательно почувствуете удовлетворение от хорошо сделанной работы, от того, что у вас получилось самостоятельно приготовить что-то вкусное для себя, от того, что вы смогли довести такой сложный процесс до конца. Запах хлеба обязательно порадует вас и успокоит. Это ощущение... мне сложно описать. Я отвлеклась, но надеюсь, вы теперь достаточно мотивированы. Каждый час вам нужно будет обминать тесто. Вы можете поставить будильник, а можете остаться на кухне и иногда посматривать на тесто. Так это будет настоящее взаимодействие, вы сможете видеть, когда тесто слишком разрастается, а не ориентироваться на часы механически. На часы вообще нельзя полагаться... Я пытаюсь сказать это... То есть... Каждое тесто уникально, и, возможно, вы получите больше удовлетворения от работы с ним, если будете уделять ему внимание как чему-то уникальному...

...Надо попробовать испечь хлеб в выходные, давай предложим Рите?..

...Фа-ак, только не хлеб! Пожалуйста!..

Федор был рад, что Тео вернулся, но и раздосадован, что не узнал, что дальше делать с тестом. Тео всегда мешал слушать и вообще сопротивлялся всему новому.

Они как раз добежали до Озера.

Бегуны, приближаясь к Озеру со стороны центра Города, поворачивали направо. Так, когда они обегали его, их ждал небольшой приятный спуск. Обычно Федор и Тео делали так же. Но сейчас на дорожке было слишком много людей, которые медленной пробежкой пытались приглушить тревогу. Приходилось встраиваться в поток. У Озера Федор повернул налево – на подъем, чтобы бежать в противоход по земле вдоль дорожки и тратить больше усилий на контроль дыхания и пульса. Он чувствовал недовольство Тео, но вместо того, чтобы уговаривать его, начал мысленно считать шаги на вдохи и выдохи. Вдох – *раз, два*. Выдох – *раз, два, три, четыре*. Когда они преодолели подъем, в кулинарной передаче уже рассказывали о том, как правильно поворачивать хлеб в печи, и какие-то важные этапы Федор упустил.

...Мне тяжело выносить твою злость, Тео...

...А мне она доставляет удовольствие? Ничего, что я злюсь из-за тебя?..

...Мне тяжело выносить твою злость, даже если ты маскируешь ее под сарказм...

...Ты уверен, что знаешь значение слова «маскировка»? Если это значит «говорить прямо, что думаешь», то это она!..

...Хорошо... Я рад, что ты не скрываешь эмоции. Это неприятно, но в целом полезно. Для нас обоих. Спасибо тебе...

...Пожалста!..

...Меня очень расстроило то, что ты сказал...

...Мне тоже извиниться? Или сказать спасибо за то, что ты признал, что расстроен?..

...Нет. Мне тяжело, когда мы ссоримся. И я знаю, что тебе тоже. Ты самый близкий человек для меня...

...Не жалуйся!..

...Но меня правда расстроило, что ты не получаешь удовольствия от нашей жизни с Ритой. Она тоже для меня очень важна. Я люблю ее. Я знаю, что ты тоже ее любишь или любил раньше. Я очень хочу, чтобы нам было хорошо всем вместе...

...Но нам не может быть хорошо! Не нам втроем, а нам, с кем бы мы ни были. Какой в этом смысл?..

...Но мы же живем сейчас. Мы должны пробовать...

...Ты опять повторяешь ее слова!..

...Мне нравятся ее слова! Я повторяю их не бездумно, а потому что хочу верить в них. А ты саботируешь свою жизнь из-за того, что вдруг осознал, что она не будет вечной. Это не очень умно, Тео, ты все-таки взрослый человек, ты прожил довольно долго, почти сорок лет...

...Тридцать семь!

...Это почти сорок...

...Тридцать семь – это тридцать семь! Тебе! А мне двадцать пять! И я не саботирую жизнь! Я просто не хочу жить так, как живешь ты...

...Что это значит?..

...Ходить на пробежку, целовать Марго, тратить гребаные четыре часа в день на твою тупую бессмысленную работу, как будто она кому-то нужна!..

...Но ты этого и не делаешь! Вот о чем я говорю. Я делаю что могу, а ты отстраняешься, уходишь, я не чувствую тебя большую часть времени. Ты отказываешься жить с нами, и мне от этого больно...

...Я не могу отказаться жить с тобой! К сожалению. Очень хотел бы...

...Ты отказываешься жить с Ритой. Тебя с нами почти никогда нет...

...Она САМА не хочет жить со мной! Она любит только тебя. И то я и в этом сомневаюсь...

...Это неправда. Ты просто не даешь ей возможности показать свои чувства. Когда в последний раз ты занимался с нами сексом? Ты уже и сам не помнишь...

Тео запнулся.

...Я помню...

Тео замолчал. А Федор почувствовал, как он напрягся, пытаясь подавить свои воспоминания. В обычной ситуации он постарался бы отвлечься, переключиться на звуки, на ощущения в теле, дать Тео пространство. Но сейчас из-за расстройства и волнения от их ссоры он не мог ничего с собой сделать – образы и ощущения Тео вспыхивали в голове у них обоих.

Он смотрел воспоминание Тео: они на Озере, в толпе. И чувствовал энергию от громкой музыки, вибрацию во всем теле. Что это за день? День прощания?

В его памяти этот день остался другим... Тяжелым, с ужасной болью в висках и тошнотой.

Он почувствовал, как Тео пьет какой-то коктейль и расслабляется от ощущения жары внутри. Как Тео держит за руку Риту – совсем не так, как это делает Федор, не нежно, а крепко и требовательно, и как она в ответ сжимает его пальцы до боли в костяшках...

У самого Федора почти не было воспоминаний об окончании того дня. Он думал, что они оба отключились, и гадал, как они попали домой.

Но у Тео эти воспоминания были. Федор увидел глазами Тео, как они пришли домой. Как включился свет. Как он целовал Риту, засовывая язык ей в рот. Как она смотрела ему в глаза не моргая. Она не улыбалась. Она всегда нежно улыбается, когда смотрит в глаза Федору.

Федор одновременно злился и возбуждался.

...Перестань, я не хочу, чтобы ты это видел!..

Голос Тео звучал сдавленно, но он сам не мог отвлечься от своих воспоминаний.

Рита легла на кровать прямо в одежде. Федор не мог припомнить, чтобы она садилась на кровать в одежде. Тео раздевал ее и то целовал, то кусал каждую оголенную часть тела. Он перевернул ее на живот, как вещь, и раздвинул ноги. Она была такая мягкая и горячая и не делала вообще ничего. Но когда он вошел в нее, она стонала. Не так, как обычно, а прерывисто и очень высоким голосом. Почти пищала. Тео сжимал ее с такой силой, которую Федор никогда в них не чувствовал. А потом он кончил и упал на нее.

...Федя, перестань, пожалуйста, хватит!..

Рита дрожала под весом Тео, и Федор сам начал дрожать. Тео неуклюже поцеловал ее в щеку. Она была мокрой. Тео отключился.

* * *

На верхнем берегу Озера между тротуаром и беговой дорожкой стоят лавочки и качели. Воздух стал совсем темным, горожан видно, только пока они держатся под нимбами фонарей. Бегун, одетый во все фиолетовое, с белой повязкой на голове, резко разворачивается и бежит в лес. Он бежит сквозь кусты, по жухлой траве, проваливается в ямы, но очень быстро, не останавливаясь и не обращая внимание на то, что его аккуратный костюм цепляется за сухие ветки. Он бежит и бежит, пока не выбегает на полосу земли, зачищенную от растений, и не врывается в толстую стеклянную стену. Ночью ее совсем не видно, несмотря на то что на ней уже появились граффити. Федор больно ударяется плечом и падает на сухую землю под стеной. Он встает, делает пару прыжков назад и ударяется еще раз. ЕМУ так больно где-то в районе ребер, что он перестает ощущать присутствие Тео.

Впервые в жизни он по-настоящему злится на то, что принял его и пустил в свое сознание и в свое тело так глубоко.

* * *

Молчание перед «Закатом».

Как Светло-зеленые уничтожают дух Города

Я не знаю, как долго будет доступна эта статья, сколько человек успеет ее прочитать, у скольких человек вообще есть доступ к городскому интернету. Это не так важно. Когда-то количество прочтений текстов служило индикатором успешности авторов. Журналисты стремились, чтобы их тексты прочитало как можно больше людей. Часто в текст была встроена реклама. Иногда даже гонорар автора зависел от количества прочтений. Потом это стали считать нарушением этики...

Я зря трачу столько времени на рассказы о прошлом. Возможно, блог будет доступен несколько часов, а то и несколько минут. И если кто-то и наткнется на этот текст, ему придется потратить часть этого времени на исторический экскурс. Хотя... Это может и спасти текст. Воспоминания. Они же так важны сейчас.

Этот текст – воспоминание.

Свобода высказывания никогда не была выгодна власти. Но журналистам во время моего взросления все-таки жилось легче. Они знали, что их тексты востребованы, даже если сталкивались с давлением. Теперь же журналистику фактически запретили. Вы скажете: мы с утра до вечера слушаем Городское радио. Но о чем там говорят? Журналистам просто не о чем говорить. Они отрезаны от внешнего мира. Большинство локальных тем под запретом. Способы распространения информации сократились до минимума.

Я не отрицаю конец света (простите, но я просто физически не могу использовать дурацкие эвфемизмы Светло-зеленых). Я не отрицаю конец света. Это было бы сумасшествием. Я чувствую его. Я чувствую, что с каждым днем дышать чуть-чуть сложнее, как будто я ночью поднялась в горы. Я каждый день засекаю, на сколько выходит солнце над куполом. (Вчера «условно световой» день продлился 5 часов и 47 минут. Еще прошлым летом световой день длился до 13 часов.) Я вижу, что произошло с растениями. Я хотела бы видеть, что происходит с другими городами.

Мы столько лет боролись за то, чтобы жить в свободном пространстве. Мы гордились нашей системой. Нашим подходом к управлению. Тем, что голос каждого учитывается. Тем сложнее мне признавать, что в конце концов все идеалы, в которые мы верили, оказались преданы.

Сколько всего нам сейчас нельзя делать, и у нас даже нет возможности оспорить эти запреты. Да, руководство города настаивает, что признанную политику поддержало большинство. Что ж, доверимся опросам.

Но, во-первых, большинство не значит все. Диктатура большинства тоже диктатура.

Во-вторых, насколько это мнение устойчиво? В каком состоянии люди отвечали на вопросы? Возможно, если бы прошло больше времени или у нас было больше информации, мы могли бы сделать другой выбор?

Принятая политика не предполагает обратного движения.

Мы уже не можем открыть купол. Это будет слишком рискованно.

По крайней мере, так они считают в мэрии.

Мы уже не можем отказаться от стратегии «продления жизни», потому что борьба за выживание будет требовать ресурсов, которых у нас больше нет.

По крайней мере, так они говорят.

Но главная проблема не выбор, который мы сделали, а решение не обсуждать этот выбор после того, как он был сделан. И, как следствие, не обсуждать все выборы, которые проистекают из этого выбора. И, как следствие, не обсуждать наши личные переживания. Потому что они могут пойти вразрез с «Решением» и сломать общий «Фокус».

Два раза в неделю я встречаюсь с психотерапевткой. Сейчас их принято называть консультантками. Но раньше это были психотерапевтки или психиатрки, и они помогали людям с ментальными проблемами.

Даже в ее кабинете я вынуждена скрывать свои настоящие чувства.

Мне не сложно. Я могла бы это делать. Я могла бы не писать в блог, потому что прекрасно знаю, что скоро его закроют и что у меня будут проблемы.

Но мне больно, когда я думаю о том, что свои чувства вынуждена скрывать не только я, но и другие персоны. И у многих нет возможности и сил сказать о своих чувствах открыто даже на встрече с психотерапевткой.

Ничто не поддерживает в минуты страха так, как ощущение, что то же самое переживает кто-то еще. Мы потеряли не только свободу. Мы потеряли чувство общности. И пусть мы еще живы и должны жить по законам, – принимая то, что с нами случится, и адаптируясь к этому, мне не стыдно сказать, что я плачу.

Не о планете. Не о городе. Не своей жизни.

Но о нашем сообществе, которого в последние годы, месяцы, дни нашей жизни мы оказались лишены из-за нелепой политики молчания.

Автор: Алиса Л

* * *

Он пришел первым... на встречу? на собрание? на совещание!

Но не мог не представить на секунду, что могло бы случиться, если бы он опоздал.

Все обратили бы на него внимание? Какое? Раздраженное или радостное? Посмотрели бы молча? Или заговорили? Или, наоборот, не подняли бы головы, когда он поздоровался?

А что, если они думают, что он приходит первым, потому что хочет казаться максимально равным? Настолько равным, что даже чуть-чуть хуже остальных.

На самом деле он хочет контроля. Столько, сколько сможет получить, встречая входящих, как будто он хозяин, а они гости, хотя все понимают, что это не так. Хотя бы потому, что приходят они не к нему домой.

Он называет себя про себя, в своей голове то есть, эм-м... «the last mayor». Как будто это название книги... Или, еще лучше, фильма. И на афише он стоит в полный рост, наполовину одетый в свой уютный бежевый спортивный костюм, а наполовину во что-то вроде формы спасателя или костюма супергероя. Для такого костюма ему пришлось бы сбросить килограммов 15... Или в слегка рваной белой футболке, мокрый от пота, легко раненный, а его длинные кудрявые волосы чуть-чуть развеваются на ветру. Хотя, когда эти клише мелькают у него в голове, ему становится жарко от стыда, несмотря на то что их никто и никогда не увидит. Совершенно точно. А может, не только от стыда, но и от удовольствия? Еще жарче. На этот раз действительно от стыда.

До того как вступить в должность, Мэр очень редко встречался с коллегами очно. Коллеги встречались очно только неформально, а это могло повредить карьере, особенно в городских институтах, особенно для претендентов на узловые должности. Он ценил службу больше неформальной социализации.

Но, к отчаянию Мэра, после закрытия Купола спутниковая связь пропала, а восстановить стабильный проводной интернет так и не получилось. Не удалось, не вышло, не смогли... А кто не смог?

К тому же Мэр сам назвал одним из принципов подготовки к Закату «Сплочение». Личные совещания с коллегами удачно встраивались в этот принцип. И он его ненавидел. Он сам сказал это «сплочение» во время очередного мозгового штурма, чтобы поддержать остальных, показать им, что «сказать глупость не стыдно». Но Министерство коммуникации взяло это в работу.

Мэр был Мэром недавно, но некоторых коллег знал давно. От этого было еще более неловко. Они были его соратниками по партии Светло-зеленых, которая инициировала внеочередные выборы после Известия. Ну как и положено действовать оппозиции в критических ситуациях. Но к власти они пришли совершенно неожиданно для себя, сменив партию Темно-зеленых. Которые, кстати, как будто специально провалили кампанию? Хотя их кампании всегда были... ну... не очень убедительными. Так можно сказать.

Мэру было очень неуютно видеть старых коллег лично – их тела, их одежду, понимать, какого они размера... Иногда даже чувствовать их запахи! Как будто он узнавал их секреты... Залез к ним шкаф. Или в личную переписку.

Такую степень близости Мэр переживал только в семье, в детстве. И еще тогда он решил, что, когда вырастет, будет жить соло. Он так устал от всех этих переживаний близости, что даже официально расстался с родительской семьей после своего двадцатитрехлетия. Хорошо, что они не стали делать из этого драмы. Хочешь быть отдельным человеком – пожалуйста. Спасибо!

Зато, когда совещания проходили продуктивно и Мэр был в хорошем настроении, он действительно чувствовал с коллегами что-то немножечко похожее на сплочение. Как он понимал это слово. Мог даже, провожая их, пожать кому-то руку или дотронуться до плеча.

Но когда совещания проходили плохо, он раздражался и ему было абсолютно невыносимо находиться с кем-то в одном пространстве. После плохих совещаний он старался поскорее попасть домой, чтобы принять душ и смыть с себя ощущение близости этих неприятных, нерешительных и глупых людей, с которыми не хотелось даже дышать одним воздухом.

* * *

Мэр пришел на совещание первым, в полной темноте, включил весь свет и расставил разноцветные пуфы в круг. Собственного офиса у партии Светло-зеленых никогда не было, а предыдущие составы Мэрии работали из домашних офисов.

Собрания Мэрия проводила в школе. Школа, которая осталась под Куполом, была очень маленькой: спортивный зал, бассейн, театральный класс, класс искусств, медиатека и игровые комнаты. Часть детей, конечно, ходила на занятия. Это настоятельно рекомендовала и Мэрия – ради, кхм... «Сплочения» и... кхм-кхм... «Ритуалов». Из-за этого в будние дни в классах кто-то постоянно был, но Мэру удалось договориться со школьным советом о помещении по утрам.

Первыми (после Мэра, конечно) в кабинет зашли Министрка пригородов. Мэр знал их меньше других, потому что они были из партии «Зеленые пригороды». Ему пришлось пригласить их в Мэрию, когда стало очевидным, что быстро расширить и поднять Купол так, чтобы он закрывал высотные окраины и протяженный частный сектор, невозможно. А решение отрезать их от Города вместе с жителями не очень согласовывалось с ценностями партии, сформулированными в явном виде во время предвыборной кампании. Это была ошибка, так иногда думал Мэр, и эта мысль тоже поднимала температуру его тела на полградуса как минимум.

В итоге в качестве полумеры желающим было предложено переселиться в Город, и Министрка представляли в Мэрии интересы этих людей. Каждый раз, когда они виделись, они требовали от Мэра что-то новое для переселенцев – то помещений, то продуктов, то занятий. Это звучало вполне деликатно, но все равно казалось, что они... ну... не намекают... не думают даже... но где-то в подсознании (сами не признаваясь себе в этом) считают его политику дискриминирующей. Она, безусловно, такой не была! Ни в чем! Мэрия делала все, что могла. И для всех. Ну... Скорее всего...

Но, может быть, где-то в подсознании и сам Мэр все-таки чувствовал (хотя если бы он действительно осознал эту мысль, то точно свалился бы с лихорадкой), что многие жители пригородов до Известия не очень-то хотели жить в Городе. Они *уезжали* отсюда, чтобы жить в большем комфорте и платить меньше налогов. Город был им *не нужен*. А теперь они решили приехать, когда он им понадобился.

Мэр действительно никогда не смог бы *подумать* такого. Но его любовь к Городу как вирус заражала всех, кто проводил с ним больше получаса. Так что и *эта* мысль, о *не совсем городских жителях*, которым нужно помогать, распространялась по воздуху с каждым выдо-

хом Мэра и чувствовалась даже после его ухода, как сладкая, но провоцирующая головную боль нота в шлейфе парфюма.

* * *

– Надо бы поговорить с Министркой транспорта о дополнительных парковочных местах для велосипедов. Мне пришлось идти пешком.

– Но у вас же нет велосипеда.

– У меня нет велосипеда, потому что я не умеем на нем ездить. Я бы завели его и научились, но я этого не делаем, потому что все равно не сможем оставлять его вне парковки. Всем почему-то нужно куда-то ездить. У моей соседки недавно украли велосипед, который ей достался от бабушки.

– Надо действительно поговорить с Министркой транспорта. Может быть, нам нужно брать в аренду какое-то количество велосипедов на нужды Города пару раз в неделю.

– Но нужно для этого расширить велопарковки. Представьте, если у нас украдут арендованные у жителей велосипеды.

– Вы правы. Давайте я запишу эту проблему на доску, чтобы мы не забыли вернуться к ней, когда все соберется.

Мэр уже чувствовал и истощенность, и раздражение, хотя сегодня они и не начали разговор с проблем переселенцев. Возможно, его эмоции были связаны не с требованиями Министрки, а с их личностью? Это не имеет никакого смысла, но он, как всегда, попробует его найти и устанет еще больше. Мэр, конечно же, ходил на консультации в Центр принятия и адаптации. Даже там он очень старался подавать пример спокойного и сдержанного поведения. Все им восхищались, это было довольно приятно, но тоже отнимало энергию. Так что даже на искренний разговор о коллегах у него не оставалось сил.

Совещание началось не вовремя – как обычно. Последней пришла Министрка транспорта. Единственный электрошаттл остановился, и она, как ответственный руководитель, не смогла просто выйти и пройти остаток пути пешком, а пошла звонить сотруднику своего департамента, чтобы сообщить о поломке и поставить задачу.

Когда все расселись на цветные пуфы, Мэр попытался выпрямить спину и принять деловой, но расслабленный вид.

– Коллеги, спасибо, что собрались. Давайте начнем с самой неприятной темы. У нас три самостоятельных ухода за сутки. С этим нужно что-то делать...

* * *

Лука пришел в школу после рассвета. По радио говорили о пользе легкого спорта. Он не хотел идти в школу, и никто его и не заставлял, если честно. Но он не хотел расстроить Ма. Они ходили на работу, они устроили его в школу, и, наверное, они ждали, что он будет ходить туда, да?

Поднимаясь по ступеням, он зажмурился, представляя, что еще спит. Но после последней ступеньки запнулся, чуть не упал, резко открыл глаза и вздохнул.

Это даже хорошо, что он в школе. Он может заняться своим планом, и Ма ничего не узнают.

Школа в Городе отличалась от школы, в которую он ходил в Пригороде. Но он немного стеснялся из-за того, что он новенький, и стеснялся спросить, всегда ли тут было так, или все изменилось после Известия. Он решил, что спросит когда-нибудь потом.

В школе не было уроков. Вообще никаких. Когда Ма привели сюда его и еще несколько детей из пригородов, им объяснили, как все будет работать, и провели экскурсию. Он тогда

волновался – и в хорошем, и в плохом смысле. Потому что боялся, что попадет в новый класс. Но, может быть, он будет хорошим? А еще потому, что боялся за свои оценки – вдруг в новой школе он будет глупее всех... А вдруг не будет?

Ни классов, ни оценок, ни даже уроков – ничего этого в Городе не было.

Школа – это среда, сказала Менторка на экскурсии.

Ученики учатся сами.

Им задают вопросы, но не дают ответов.

Им предлагают инструменты, но не знания.

Менторка говорила очень медленно и как-то чрезмерно выразительно. Как будто они были из другой страны, а не из пригородов.

От волнения Лука не удержался и спародировал ее активную мимику. Ма строго расширили глаза.

Но вообще-то ему понравилось! Правда, жаль, что нет классов. Сам он вряд ли с кем-то познакомится. Но вдруг класс был бы плохим? Так что все окей. Супер. Так он сказал Ма.

Ма, конечно, расстроились, но старались не подавать виду. Им нравилась классическая школа, в которой он учился раньше, она была goal-oriented, воспитывала дисциплину. Но они старались ничего не сравнивать.

И он ради них тоже старался.

Когда он впервые пришел в школу, он еще не очень верил, что Закат реально наступит. Он себя хорошо чувствовал. Он думал, что паника пройдет и они вернутся обратно, домой, к Па...

Но сегодня он заметил, что очень устал. И, возможно, это не потому, что он встал рано. Потому что встал он не рано. Вот в старую школу действительно приходилось вставать в 6 утра, а тут можно вставать когда хочешь...

Лука шел в медиатеку.

Он все еще стеснялся заговорить, но кивнул Ментору, сидевшему в кресле под двумя включенными торшерами, и подал заявку на «географию или урбанистику?». Он точно не решил, потому что плохо разбирается. Он спешно взял еще один бланк и написал:

«Карты?»

Ментор ответил шепотом, что это классный интерес, и пошел к полкам.

Когда он вернулся, Лука еще раз показал второй бланк.

– Ты, наверное, визуал, да? – прошептал Ментор, улыбаясь глазами. – Почитай пока, а я поищу и принесу все, что найдется!

Лука сел в кресло в углу к небольшому столику. Рядом с ним, сидя на полу, ученик младше на несколько лет старательно перерисовывал иллюстрации из учебника по анатомии.

Лука начал листать книгу, даже не глядя в нее.

...Хоть бы нашлась карта Города! Хоть бы нашлась карта Города!..

* * *

– Выглядите уставшей.

– Вас это смущает?

– Нет. Но хочется вас обнять. Хотите, я принесу вам чай?

– Я могу принести его сама, спасибо.

Артур – один из немногих клиентов, который ходил к Консультантке до Известия. Впервые он пришел еще во время ее стажировки после окончания курсов. То, что она видит его до сих пор, помогает ей. Хотя периодически, назначая следующую встречу, она говорит, что

это должно помогать ему: «Когда мы переживаем такие масштабные перемены в жизни, очень важно сохранять что-то привычное и стабильное, не забывать о том, кем мы были...»

Он верит. Или делает вид, что верит.

Артур каждый раз садится на диван с таким видом, как будто целую неделю мечтал здесь оказаться. Консультантка совсем не уверена, что это так. Он играет роль успешного и всем довольного мужчины, чтобы поддержать окружающих. А нравится ему что-то в действительности или нет – он сам до конца не знает. И не факт, что узнает, эту проблему уже вряд ли нужно решать.

– Как ваша неделя? Как вы справляетесь?

За полтора года работы с Артуром они так и не смогли перейти на «ты». На вид ему лет 35–45. Но он всегда обращался к ней на «вы» с демонстративной галантностью, которую сложно не принять за флирт. Перейти на «ты» означало бы отказаться от этого и одновременно сделать шаг к близости. Близости Артур не допускал даже в отношениях со своей любимой Консультанткой, как он о ней говорил.

– Вы знаете, отлично!

Он с довольным видом начал осматривать кабинет, освещенный серым светом из панорамного окна, как будто был тут впервые, но не продолжил.

– Приятно это слышать. Если честно, я редко это слышу на работе. Особенно в последнее время... Вы уверены, что говорите искренне?

– На сто процентов!

– Кажется, неделю назад вы мне говорили, что все бессмысленно... – Может, не стоило об этом напоминать, но Консультантке стало любопытно. – Что изменилось?

Артур улыбнулся широко, как будто она сделала ему комплимент, и передвинулся на край дивана. Он всегда доверительно наклонялся вперед, когда хотел поделиться важной историей. А слушал, глядя в окно или в стену. На первых сеансах, которые еще были онлайн, Консультантку это фрустрировало. Казалось, что ему скучно, и она старалась говорить поменьше, даже если ей очень хотелось как-то отнестись к его словам.

Но в этот раз он был максимально включен. Он наклонился вперед, поставил локти на колени и пристально посмотрел Консультантке в глаза с преувеличенным выражением благодарности.

– Вы меня переубедили!

– Вы хотите сказать, что все-таки меня слушали.

– Конечно я слушал вас!

– В прошлый раз вы говорили, что все бессмысленно... А значит, и наши встречи, и все, о чем мы говорим, тоже...

– Ну, наши встречи не совсем бессмысленны, я не так выразился. Мне приятно вас видеть и проводить время с вами. Немного странно, правда, за это платить...

Это было неподобающей шуткой. Но ей почему-то не хотелось делать ему замечание.

– Давайте вернемся к вопросу: что такого произошло на этой неделе, что вы изменили свое мнение и жизнь больше не кажется вам бессмысленной?

– Конечно она бессмысленная! – Артур откинулся назад и ударил рукой по подушке. – Она бессмысленная, и всегда была такой, и меня это угнетало. Но во время нашего прошлого разговора я заметил, как *вам* страшно, и это помогло мне четче осознать, что скоро все закончится.

«Почему он сказал, что мне страшно? – подумала Консультантка. – Он должен бы понимать, что это проекция».

– К сожалению, да. Скоро действительно все закончится...

– Не к сожалению! Не к сожалению, а к счастью! К счастью, скоро все закончится!

На протяжении 18 месяцев они говорили о его апатии, но это была бытовая апатия – он не хотел решать проблемы в отношениях, расслабленно выполнял рабочие обязанности, не интересовался новостями. Но его раздражало в себе, что он не может активно вовлекаться жизнь, как «нормальные люди», он пытался над этим работать. В последние месяцы он фрустрировался еще сильнее, но она никогда не чувствовала в нем желания уйти.

– Артур, можете мне объяснить так, чтобы я поняла и смогла тоже за вас порадоваться?

Он улыбнулся снисходительно и доброжелательно одновременно.

– Но тут же нет совсем ничего сложного. Я даже был удивлен, что мы с вами никогда *так* об этом не говорили. Все бессмысленно. И все всегда было бессмысленно, вне зависимости от этого сраного Заката, которого все так боятся. Я лично всегда знал, что все бессмысленно. Но скоро все закончится! А это уже совсем другое дело! Представьте, что я занимаюсь сексом. Нет! Лучше не представляйте, это вас отвлечет... Представьте, что я иду в бассейн. Мне, по сути, нравится плавать, мне приятно чувствовать свое тело в воде, мне нравится атмосфера в бассейне поздно вечером, когда все уже спят. Я был там сто раз. Или двести. И я привык! Мне уже сложно получить от этого удовольствие, как раньше. А теперь я знаю, что смогу сходить в бассейн еще сорок раз в жизни, или двадцать, или десять... Ну, в общем, мы не знаем, сколько раз точно – но! Мне уже хочется получить максимум от этого похода, понимаете? Нет, это идиотский пример, лучше бы я рассказал вам про секс, как раз вчера я познакомился с очень классной персоной... Но я не хочу вас смущать.

– Вы не смутите меня, можете говорить, о чем захотите. – От слов Артура внутри у Маргариты поднималось какое-то чувство, которого она раньше не замечала. Ей нужно было время, чтобы понять, что это, и она сделала вид, что хочет услышать про секс тоже. Хотя рассуждения Артура уже были понятны, наверняка он скажет, что в последний раз любой секс будет 10 из 10.

– Вы смутитесь, поверьте мне. Я могу еще раз попробовать объяснить суть. Секс мне тоже надоел. Больше, чем бассейн. Это энергозатратно. Я волнуюсь. Иногда все получается, иногда не получается ничего, и я чувствую себя нелепым. Неудачником. Виноватым. Как бы вам объяснить... Как будто я на диете, но очень захотел сладкого и сходил ночью в магазин за пирожным, пришел, сделал чай, начал его есть, а оно сухое. И вот я чувствую вину за то, что поддался слабости, и разочарование, и все – мне снова плевать на все, и я вообще ничего больше не хочу. Но вообще-то пирожные я люблю. И даже если мне попалось плохое пирожное, если я знаю, что мне не так много осталось их съесть, я буду ценить его, искать в нем что-то хорошее. И я буду тщательнее выбирать пирожные, чтобы они действительно мне нравились. Потому что они не успеют мне надоесть. У меня осталось не так много времени, чтобы их попробовать.

– Артур, мне нравится ваш позитивный настрой, и я рада слышать, что вас уже не так сильно мучает апатия. Можно спросить: про бассейн и про сладкое – вы действительно находите в этом удовольствие, или это все были метафоры для секса?

– Сладкое – это метафора, конечно, – Артур сделал вид, что смутился. – А в плавании нахожу! Действительно!

– Очень хорошо... Не потому, что я не хочу, чтобы вы не находили удовольствие в сексе. Наоборот. Но полезно находить удовольствие в разных вещах. Если это будет что-то одно, есть риск зафиксироваться, придавать этому слишком большую ценность...

– Да? А мне почему-то кажется, что вы не очень хотите, чтобы я находил удовольствие именно в сексе... Если что, я не считаю, что за несколько месяцев до Заката этические нормы должны соблюдаться с той же строгостью...

Все-таки ей нужно было обсудить причины такого поведения. Но она не могла сосредоточиться.

Маргарита смотрела на Артура, сидящего на диване, но видела его совсем не атлетическое бледное тело в воде, в бассейне, снизу. Как он дергает ногами, как лягушка, и думает,

сколько еще гребков успеет сделать, сколько раз оттолкнется от бортика. От этого образа ее начало подташнивать.

– Хорошо. Вот что я предлагаю. Давайте совместно составим список всех вещей, которые вам приносят самое большое удовольствие, чтобы вы смогли сделать что-то из этого списка в следующий раз, когда почувствуете апатию.

– Мы уже пробовали делать такой список, вы не помните?

– Я помню. – Она не помнила. – И что там было?

– Ничего!

– Тогда давайте попробуем сделать это еще раз. Подумайте, что вам нравится сейчас – когда вы поняли, что все, что вы делаете, вы не сможете продолжать делать вечно.

Артур взял планшет с листом бумаги с кофейного столика, как будто ожидая, что она вот-вот передумает, скажет, что пошутила.

Или это Маргарита сама думала, что задание бесполезное. И просто не знала, что еще сделать. Она отпила воды. Ей хотелось встать и подпрыгнуть, чтобы убедиться, что тело ее слушается. Она крепче сжала блокнот в руках, чтобы не дрожать, и начала дышать с задержкой. Когда тревога сжалась, она снова незаметно посмотрела на Артура. Все-таки он что-то писал.

– Давайте сделаем паузу и обсудим какой-нибудь из пунктов? Что вы написали последним?

– Гладить кошку, – Артур улыбнулся неуверенно.

– Когда вы в последний раз это делали?

– Несколько дней назад. Я был в гостях у приятеля, у него четыре кошки. Вообще они меня раздражают, у меня аллергия на шерсть, мне хочется помыть руки и глаза, как только я захожу в дом с кошками. Но тут самая старая его кошка, ее так и зовут, кстати, Кошка, залезла мне на колени и начала тереться головой о живот. У нее такая мягкая шерсть, и под ней есть что-то, теплота, мышцы, сердце...

Артур замолчал. Но Маргарита уже перестала слушать. Она обратила внимание на него, только когда поняла, что он плачет. Он плакал впервые за все время их работы.

– Все в порядке. Плакать полезно. Расскажите, что именно вас расстроило.

– Я не могу... Когда я чувствую, как сильно вы боитесь, я начинаю бояться тоже – и осознавать, что все! Не будет больше ни этой кошки, ни меня! Ни вас!

– Лучше думать о том, что пока и кошка, и вы есть. И вы можете еще раз погладить ее, а потом помыть руки... Артур... Почему вы говорите про мой страх? Я с вами своими чувствами не делилась.

– Не знаю... Я же вижу вас... Я, понимаете... стадное животное? Я начинаю бояться тоже! Может быть, какие-то напрямую из тела идут сигналы страха, я не знаю...

– Именно от меня?

– Может, от вас сильнее? Или я с вами больше общаюсь? Или я чувствую это сильнее, потому что обычно вы такая спокойная. У меня иногда было ощущение, что я разговариваю с камнем. В хорошем смысле слова с камнем. Со скалой. Когда я начал чувствовать в вас страх, это как будто пробило что-то во мне тоже. *Мне* стало страшно. – Артур взял еще одну салфетку и вытер лицо. – Но, с другой стороны, апатии стало меньше... Так что, может, это хорошо? Ваши консультации работают, – он попробовал улыбнуться.

* * *

Маргарита, как обычно, вышла проводить Артура в коридор. Там уже была небольшая очередь из самых дисциплинированных горожан, которые пришли к ее коллегам. Все они выглядели спокойными и деловитыми. Как будто сидели в очереди к стоматологу. Но она не могла на них смотреть, ей казалось, что все, как и Артур, думают, что помощь тут нужна ей.

* * *

И последняя новость! Но только на этот час! Наши блистательные инженеры проверили трещину на северо-восточной стороне Купола. Как говорится в сообщении Мэрии, это была не трещина, а царапина, не стоило переживать. Но управление Городом благодарит всех за бдительность. Причины происхождения трещины... то есть царапины... выяснить не удалось. Возможно, какой-то дрон задел стекло снаружи. Но это уже мои догадки.

Согласно оценкам властей, ситуация за пределами Купола ухудшается: температура там предположительно ниже на 5 градусов, чем в Городе, а давление воздуха, согласно расчетам, опустилось до отметки примерно в 600 миллиметров ртутного столба. Еще раз повторю, что это оценки, а не точные данные. Но тем не менее, кажется, Купол защищает нас очень хорошо.

На этом у меня все. После небольшой паузы вас, как всегда, ждет «Передача воспоминаний». Напоминаю, что, если вы хотите поделиться своей историей, передать воспоминание – звоните в редакцию, приходите на запись. Но прямо сейчас мы должны прерваться, так как Мэрия очень попросила предоставить им пять минут эфирного времени для важного сообщения! Надеюсь, это сообщение будет не только важным, но и обнадеживающим. Оставляю вас с Министрой коммуникаций. Давайте слушать друг друга!

Спасибо, дорогой Ведущий! Мы в Мэрии хотим обратиться ко всем горожанам и новым жителям Города, которых мы уже тоже считаем горожанами, своими ближайшими персонами.

Мы все знаем, что Городу осталось не так много времени. К сожалению, мы ничего не можем с этим сделать. Мы решили принять Закат, но дожидаться его в тех условиях, к которым привыкли. Жить, пока у нас есть такая возможность. Вы все это знаете, это было общегородское решение, не мне вам о нем рассказывать.

Надеюсь, что мы также одинаково понимаем, что приняли очень сложное решение. Продолжать жить – сложно. Кому-то физически сложно. Кому-то психологически. Иногда не просто сложно, а почти невыносимо. Простите. Я не хотела расстроить вас, но вынуждена была сказать об этом, потому что для некоторых наших сограждан это действительно так.

О чем я должна сказать от лица Мэрии.

Сложности – это не повод для самостоятельного ухода. К сожалению, такие случаи участились за прошедшую неделю. Поэтому мы в Мэрии решили поговорить о том, что является, а что не является самостоятельным уходом, чтобы мы все дальше могли думать об этом и принимать решения из общей точки.

Предвосхищая критику, мы не можем и не пытаемся никому запретить уйти. Это ни в коем случае не может быть решением Мэрии. Как вы знаете, мы рассматривали и совместно обсуждали вопрос об организации ассистированного ухода. Программа не была принята. Она не была востребована большинством горожан, и мы не могли гарантировать ее реализацию.

Но, к сожалению, это привело нас к тому, что сейчас приходится начать разговор о самостоятельном уходе. И главный вопрос, который мы, как горожане, должны ставить перед собой, вопрос к каждому из нас: насколько наш уход в действительности будет индивидуальным.

Допустим (надеюсь, что это касается совсем немногих, но мы не можем не думать о них), допустим, вы хотите избавиться себя от мучительного ожидания, в которое, как вам кажется, превратилась жизнь.

Но ваш уход не останется незамеченным.

Он скажется на ваших близких. Оставшееся время им без вас будет намного тяжелее.

Он скажется на городских службах. Как вы помните, Город отрезан от мест захоронения, но кто-то все равно должен будет заниматься вашими физическими телами. Из-за вашего решения такие же горожане, как вы, должны делать очень и очень тяжелую, подавляющую и причиняющую страдания работу.

И самое главное, я думаю, что, если скажу, что ваше решение скажется на всех горожанах, на всех нас, – это не будет преувеличением. Нам всем тяжело в этот непростой период. Шок от преждевременного ухода будет смущать, волновать и вызывать сомнения в других.

Нет ничего ужасного в желании ускорить свой уход. Я уверена, большинство понимает эту позицию. Но так как коллективно мы приняли решение дожить оставшееся нам время так, как у нас получится, эти мысли нужно контролировать, не поддаваться им.

Еще раз от лица Мэрии и всех равнодушных горожан напоминаю о возможностях, которые у нас до сих пор есть на случай тяжелых состояний.

Телефон горячей линии, на которой работают прекрасные консультантки и консультанты. Что бы вы ни хотели сделать, сначала позвоните туда и поговорите об этом. Вас услышат такие же люди, как и вы. Они находятся в такой же ситуации, они смогут вас понять. Даже если вы все-таки решитесь на уход, почувствовать чье-то участие и внимание будет ценно.

Также мы советуем записаться на личную встречу в Центре принятия и адаптации. Это доступно всем. Может быть, это будет всего одна встреча – но она нужна вам, и она нужна Городу для того, чтобы лучше заботиться о состоянии горожан.

И главное, я хочу рассказать о еще одной возможности, которая у нас появилась не так давно, и пока не все о ней знают. В Центре принятия и адаптации теперь есть Комнаты для сна. Наверное, вы не раз замечали, что утром обычно бывает легче, чем днем или вечером, если получилось поспать. Если у вас не получается уснуть долгое время или если даже после длительного сна вам не становится легче и спокойнее, в Центре теперь вам помогут погрузиться в сон профессиональные врачи, и вы сможете проспать столько, сколько захотите. Для кого-то это может быть несколько часов, для кого-то – сутки, для кого-то неделя. Я не могу говорить об этом подробнее, программа сна согласуется в индивидуальном порядке с консультантками и врачами. Но если вы очень устали и хотите просто уснуть – попробуйте сначала сделать это, не лишая себя возможности проснуться.

Я благодарю всех, кто выслушал это обращение, и прошу прощения за трату вашего внимания. Я знаю, что многие уже, наверное, заждались «Передачи воспоминаний».

Напоследок я прошу вас рассказать о том, что вы слышали, вашим друзьям и знакомым. А также я хотела бы поблагодарить вас от имени Мэрии за то, что вы прекрасно держитесь, помогаете друг другу и поддерживаете Город в оптимальном из возможных решений в текущей ситуации. Спасибо, и постарайтесь насладиться этим вечером.

* * *

Центр принятия и адаптации был единственным местом в Городе, где радио не играло круглосуточно. Там жители могли не отгонять мысли, а перенаправлять их под контролем специалистов.

После последнего клиента Маргарита закрыла дверь и пошла в ванную за водой для растения. Она вышла с полным стаканом воды и села на мягкий ковер, прислонившись к дивану. Страх, который она почувствовала во время встречи с Артуром несколько дней назад, никуда не уходил.

Маргарита не могла ни смириться, ни справиться с ним. Пытаясь найти причину, она усиленно прислушивалась к своему телу, дотрагиваясь до плеч, до груди, сцепляя руки. Что-то было не так. Может, это выгорание? Может, она просто устала слушать о проблемах горожан, когда ей хотелось немного помощи для себя? Вроде нет. На работе она вела себя профессионально, всегда немного дистанцировалась.

Может, ей так плохо из-за того, что расстроились отношения с Федором и Тео. Она редко разговаривала теперь с ними одновременно и сама не понимала, что изменилось. Но, с другой стороны, говорила она себе, это вариант нормы. Самые сложные отношения в их союзе –

между ними двумя. Хотя они оба любили ее, они все-таки жили в одном теле, и их конфликты требовали большего внимания. Она понимала это как специалистка и давно с этим сжилась как партнерка.

Страх не уходил, она действительно чувствовала себя камнем, который что-то пытается расщепить изнутри. И ей было непонятно, как это возможно и что это такое. Она выпила воду из стакана, встала, вытерла салфеткой сухое лицо, достала почти бесполезный телефон из ящика стола и включила музыку, чтобы успокоиться.

Она вспомнила, что так и не полила растение, когда уже спустилась на первый этаж. Там было пусто. Консультантки и их пациенты ушли, а ночная смена добровольцев заняла места у телефонов.

Маргарита приложила свой пропуск к стеклянной двери, но дверь не открылась. Она приложила его еще раз. Створки остались на месте. Она подняла руку с бейджем снова, но ей стало сложно дышать, и пульс ускорился, как будто она не шла, а бежала к выходу. Она развернулась, ей захотелось спрятаться в своем кабинете, так будет лучше всего, но, сделав шаг в сторону, она почему-то запнулась о светло-серый ковер с гигантскими буквами *welcome*.

* * *

Лука сфотографировал карты Города, которые нашлись в школе, на свой смартфон. Сегодня он смотрел на них и чувствовал себя как человек из прошлого.

По правде – как маленький. Когда он еще совсем не умел ориентироваться, он ходил только по картам на смартфоне. У него было детское приложение, в котором его аватар шел по улице вместе с ним и показывал жестами, куда повернуть.

К сожалению, он это приложение не скачал из облака и даже не знал, можно ли было скачать его. Может быть, разработчики за Куполом уже придумали офлайн-версию? Или, может быть, за Куполом есть интернет?

Лука смотрел на фотографию карты на смартфоне, как раньше, но шел без аватара, сам. Это, конечно, все усложняло: приходилось постоянно осматриваться, искать названия, вывески. В сумерках это было сложно. А еще карта была старая, и что-то в Городе изменилось. Но не сильно. Ма объясняли ему, что в Городе все такое старое, потому что это История и Город старается ее сохранить.

Луке казалось, что прохожие смотрят на него с подозрением. Он спрятал смартфон и начал смотреть себе под ноги, чтобы не столкнуться ни с кем взглядом. А может, это не из-за смартфона, а потому, что он идет днем в противоположном от школы направлении?

Лука ускорил шаг, хоть и боялся привлечь еще больше внимания, но он уже не мог себя контролировать.

Он почти добежал до большой дороги. Раньше тут, видимо, было много машин. А сейчас, наоборот, было тише – голос радио сюда почти не дотягивался. Очень-очень давно дорога вообще была границей Города. Лука видел это на карте позапозапрошлого века, которая была такой старой, что он даже не стал ее фотографировать.

Сердце у него застучало еще сильнее, и он начал дышать быстро-быстро. Он побежал через сухой газон к дороге, загадывая, что в дневных сумерках, если он будет двигаться быстро, его примут за тень или вообще не заметят. Машин в Городе не было, но, перед тем как сойти с газона на проезжую часть, Лука автоматически посмотрел направо – вдалеке кто-то медленно ехал на велосипеде. А после двойной линии голова сама повернулась влево – пустая шестиполосная дорога напоминала взлетную полосу из старых фильмов.

Он бежал через эту полосу к месту, которое очень хотел увидеть и исследовать, – к старому Торговому центру.

Там начинался Купол.

* * *

НЕ ХОДИТЕ В ЦПиА!

Мэрия запустила новую программу для горожан в депрессии – КОМНАТЫ ДЛЯ СНА. Об этом вчера вечером сообщило Городское радио. Не могу не заметить в скобках (в кои-то веки по радио сообщили новость! Но не обольщайтесь, это не журналистика, это громкоговоритель для пресс-релизов из мэрии).

Ничего глупее я не слышала. Мир подходит к концу, а нам предлагают лечь в кровать и поспать, и для тех, кому почему-то (?!!) не спится, появилось медицинское сопровождение и возможность поспать под лекарствами – столько, сколько понадобится, чтобы выспаться. Может быть, до самого конца.

Все это подается под предлогом борьбы с самоубийствами. Я никого не призываю к суициду. Но СОН. Что у них вообще в головах, я не понимаю!

Мы уже привыкли ко ВСЕМУ после того, как нам объявили конец света, ВСЕ происходит как в кошмаре. Но на этот раз мэрия, кажется, совсем потеряла разум. Комнаты для сна!

Я очень прошу вас подумать: хотите ли вы спать? Возможно, вы устали и измотаны. Как и все мы. Вам надоело тревожиться о том, что скоро мы все умрем, или думать, как наилучшим образом для себя потратить оставшееся время. Но подумайте еще раз. Вы хотите спать или вы хотите жить?

Надеюсь, что второе. Очень вам этого желаю.

Почему же наше руководство, за которое мы голосовали, предлагает нам другой вариант? Промежуточный, трусливый, лицемерный вариант, который не будет выгоден никому. Или будет?

Я знаю не больше, чем вы, источников у меня не осталось. Но мой опыт, моя работа со словом, моя приверженность ценностям свободы заставляют меня задавать вопросы обо всем, что я вижу и знаю. Вопросы, на которые я не могу получить ответы.

Итак, сейчас вопрос, который передо мной стоит, звучит так: почему мэрии это выгодно?

Если конец света неизбежен – зачем спать? Какая разница, выспались мы или нет? Нервничаем мы оттого, что не выспались, или оттого, что боимся умереть? Как нам помогут одеяло, подушка и порция снотворного? Никак! Раньше говорили что-то вроде «помирать лучше с музыкой». Можно было бы попробовать уйти красиво, что бы это ни значило. А не прятаться под одеялом.

Если же конца света каким-то образом можно избежать – наверное, стоило бы использовать так называемое сплочение, о котором любят говорить в мэрии, для того чтобы сделать все возможное. Мы знаем, что некоторые города предпочли этот путь. Мы не знаем, что с ними сейчас, из-за того, что отрезаны дурацким куполом. Но я думаю, что они уж точно не спят.

Решения, которые мы видим, абсурдны. Восстановить картину событий мы сможем, только найдя рациональное объяснение этим решениям. Итак, СОН. Что происходит во сне? Отключается сознание.

Возможно, решение только выглядит абсурдным, потому что мы чего-то не знаем? Например, есть какой-то вариант спасения, который будет доступен не всем? Например, спастись хочет мэрия, которая не раскрывает информацию о конце света не для поддержания спокойствия, а потому, что им выгодно что-то скрыть?

Может быть, спящий горожанин – как раз то, что нужно нашим властям? Во сне человек ничего не требует, ничем не возмущается, для него ничего не нужно делать, не нужно о нем заботиться. Он не будет ругаться, бороться, выходить на митинги или писать посты в блог. Он будет спать. Все, чего он ждет от города, – смену капельниц со снотворным. Но это такой несложный процесс, его до сих пор можно автоматизировать.

Это только гипотеза. Но если факты скрывают, не нужно молчать. Нужно задавать вопросы и строить гипотезы.

Если вы все еще читаете мой блог, в этот раз я прошу вас: постарайтесь не спать.

Автор: Алиса Л

* * *

Двери не открывались. Маргарита приложила пропуск еще и еще раз. Ей захотелось пинать эту дверь, выбить ее плечом, но вместо этого она на автомате начала вдыхать и выдыхать с задержкой, как всегда учила своих клиентов.

«Дверь не открылась, ничего страшного. Удивительно, что она работала до сих пор. Надо найти администратора». Она развернулась, но что-то вдруг толкнуло ее и повалило на пол.

* * *

Старшая консультантка сидела рядом с Маргаритой на диване в холле.

– Маргарита, у вас паническое состояние. Что произошло? – она говорила с ней не как с коллегой. Но, как коллега, Маргарита отметила ее спокойный тон и, как всегда, прямой и внимательный взгляд. У нее появилось ощущение, что она сделала что-то плохое и Старшая консультантка ее поймала. Маргарита не могла понять, откуда возникло чувство вины. Она знала: что бы с ней ни случилось, это случилось *с ней*, а не *она это сделала*. Как коллега, Маргарита должна была рассказать Старшей консультантке о своих ощущениях, но почему-то вместо этого начала выкручиваться.

– У меня началась паника из-за того, что двери не открылись. Это же ненормальная ситуация... Со мной такое впервые. Может, приступ клаустрофобии?

– Нет. Двери не открылись, потому что у вас паника. Не наоборот.

– Мне страшно? Мне страшно. Мне стало страшно во время одного из сеансов, и я не смогла этот страх преодолеть, он просто никак не отступает, ничего не работает!

– Вы молодец, что признаете это. Чего именно вы боитесь?

– Не знаю. – Маргарите было так страшно, но она не могла сказать отчего. Она заметила, что плачет, и ей стало еще и стыдно плакать на работе – вдруг кто-то ее увидит.

– Все хорошо, не переживайте, тут вас никто не увидит. – Старшая консультантка протянула коллеге стакан воды. – Вам нужно отдохнуть. Это стресс – вы с ним справитесь, и все будет нормально. Но сейчас вам нужно отдохнуть.

Маргарита пила воду залпом и думала, что действительно очень устала... Стресс, контроль чужих эмоций, контроль своих эмо...

* * *

Она проснулась на мягкой кровати, в чужой пижаме. Никаких лекарств рядом не было, но сгиб локтя болел, там был след от капельницы. В полутемной комнате едва светила только лампа над дверью.

Федор и Тео! Маргарита подумала, что ей нужно связаться с ними... Сказать, что она жива... Но она повернулась на другой бок и снова закрыла глаза. Вдруг в комнате включился верхний свет, и вошла Старшая консультантка.

– Маргарита. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо. – Маргарита действительно чувствовала себя очень расслабленно, как будто только вышла из сауны или с массажа. Она осмотрела комнату при свете – окна были плотно зашторены, вдоль стены стояли еще три пустые односпальные кровати.

– Я рада. Простите, что я так поступила. Это экстренный сценарий, мы почти не прибегаем к нему. Ваше состояние было очень острым, я не была уверена, что у меня получится стабилизировать его. В нормальной ситуации, вы знаете, я была бы только рада поддаться панике вместе с вами. Ваши эмоции всегда очень заразительны. И потом мы бы попробовали найти вместе выход из этого состояния. Но сейчас мне паниковать никак нельзя, поэтому прошу у вас прощения. – Казалось, Старшей консультантке было неловко объяснять свои действия, но она, описывая ход своих рассуждений, снова говорила с Маргаритой как коллега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.